

под стрелами врагов, то мчится по бранному полю». А строки Тютчева «копыта кинешь в звонкий брег — и в брызги разлетишься!» стали ответом на пушкинские «куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?». С точки зрения строгой интерпретации сближение очень рискованное.

Вспомнившийся латинский афоризм «капля точит камень» наталкивает Г. Гачева на неожиданное определение спившихся чиновников Достоевского: они — отсыревшие камни дома Петрова. В механизме порождения этой мифологемы сплетены логический вывод и свободная фантазия; выстраивается произвольный ассо-

циативный ряд: капля — вода — водка — камень — чиновник. Так выводится историософия России: глубинные воды народного духа размывают дело Петра!

Упрекнуть Г. Гачева есть в чем: если это наука, то слишком веселая, если философия — то вторичная и стилизованная, если мифология — то искусственная и непоследовательная... Научные и художественные построения можно канонизировать и повторять — это иногда бывает плодотворно. Книга «Национальные образы мира» невоспроизводима сторонней мыслью, она — факт культуры, должно быть, единственный в своем роде.

А. РАНЧИН.

*

Политика и наука

«ЛЕНИН ИЛИ КОРНИЛОВ?»

Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Корнилов. М. «Наука». 1989. 288 стр.

Чем объяснить легкость, с какой был осуществлен в 1917 году октябрьский переворот? Когда и почему началась гражданская война в России? Кто такие белые и их первый вождь генерал Л. Г. Корнилов? Что в конечном счете определило неудачу «белого дела»? С этими и другими, казалось бы, давно решенными вопросами читатель сталкивается в новой книге известного советского историка Г. З. Иоффе.

Советская историография, руководствуясь неизбежными догмами классовости и партийности, на протяжении десятилетий доказывала нам историческую закономерность Октября и победы большевизма. Революцию надлежало воспевать, контрреволюция предавалась анафеме. Нарушалась элементарная диалектика: революцию освещали в отрыве от контрреволюции. Последняя вообще не изучалась, а лишь разоблачалась. В результате мы получили искаженное представление о важнейшем периоде отечественной истории, определившем наш сегодняшний день.

Г. З. Иоффе одним из первых осмелился нарушить табу, распространявшееся на изучение белого движения, опубликовав ряд серьезных монографий на эту тему. В рецензируемой книге историк исследует зарождение белого движения, руководимого на начальном этапе генералом Корниловым. Сразу замечу, что речь не о политической биографии Л. Г. Корнилова. Иоффе справедливо полагает, что феномен «белого дела»

останется до конца непонятым, если продолжать сводить его к антинародным проделкам кучки генералов-монархистов, как будто под их знаменами не сражались десятки тысяч вчерашних крестьян и мирных российских обывателей, искренне любивших ту самую матушку Россию, которая на их глазах умирала в страшных мучениях. Одним словом, книга не столько о Корнилове, сколько о корниловщине.

И все же наш не избалованный читатель, не имевший допуска в спецхран, может хотя бы в общих чертах получить теперь представление о человеке, искренне считавшем себя спасителем России. Не отвергая традиционную оценку генерала Корнилова, существующую в нашей литературе, Иоффе не идет по привычному и легкому пути разоблачительного окарикатуривания вождя белого движения. Он представляет нам не только принципиального противника большевизма, врага революции, но и русского патриота; не тупого солдафона и держиморду, желавшего восстановить низвергнутый трон Николая Романова, но способного и храброго военачальника, высокообразованного человека, знатока восточных языков, автора научных трудов, наконец, политика, понимавшего невозможность простого возврата к дофевральскому режиму.

Воздавая должное личным качествам Лавра Георгиевича Корнилова, в 1907—1917 годах прошедшего путь от скромного

полковника до Верховного главнокомандующего русской армией, Иоффе вместе с тем показывает, как после Февраля его умело готовили на роль «русского Кавеньяка». Важную роль в судьбе Корнилова сыграли тогда Б. Савинков и М. Филоненко — комиссары Временного правительства в действующей армии, недовольные нерешительностью А. Ф. Керенского в борьбе с большевиками. Именно они наряду с другими приверженцами Главковерха из среды откровенно контрреволюционного офицерства и генералитета постоянно внушали Корнилову мысль о его «особой миссии» в деле спасения Отечества от чумы большевизма.

Первое выступление Корнилова относится к лету 1917 года, когда правительство Керенского, зажатое между крайне правыми и крайне левыми, пыталось поставить Россию на неведомый ей дотоле путь демократии. По принципиально различным причинам «третий путь», предложенный Керенским, не устраивал ни левых (большевиков), все откровеннее претендовавших на власть, ни правых (корниловцев). Постоянное лавирование между двумя полюсами в обстановке продолжавшейся войны и вызванной ею хозяйственной разрухи постепенно лишило Временное правительство прежней общественной поддержки. Тайный союз Керенского с генералом Корниловым против большевиков, заключенный в августе 1917 года, представлял собой один из зигзагов такого лавирования. Иоффе подробно исследует обстоятельства этой тайной сделки и причины, по которым Керенский «вероломно» нарушил договор с Корниловым. В числе последних автор называет боязнь министра-председателя за свою репутацию в рядах революционной демократии, а также обоснованное недоверие по отношению к Корнилову, который намеревался ударить не только по большевикам и Советам, но и по самому Временному правительству. В последний момент, когда корниловские части уже двигались на Петроград для наведения там «порядка», раздираемый сомнениями министр-председатель совершил неожиданный маневр влево, объявив о смещении генерала Корнилова с поста Главковерха. В ответ обескураженный Корнилов распространил 28 августа заявление с резким осуждением Временного правительства за его заигрывания с большевиками. В другом своем обращении отстраненный Главковерх, по сути, объявил правительству войну. В этих двух документах, как считает Иоффе, были изложены в сжатой форме основные постулаты, составившие впо-

следствии идеологию «белого дела»: великодержавный шовинизм, милитаризм, воинственный антибольшевизм, бонапартизм, социальная демагогия.

Вероломный ход Керенского вызвал смятение в рядах корниловцев, убежденных в поддержке правительства. Их наступление на Петроград было сорвано благодаря саботажу железнодорожников и умелым действиям многочисленных агитаторов ВЦИК и местных Советов. Непосредственный предводитель похода на Петроград генерал Крымов застрелился, а Корнилов с генералами его штаба были арестованы в Могилеве и посажены под арест в небольшом городке Быхове.

Корниловщина потерпела первое, но не окончательное поражение. Вплоть до октября 1917 года она не имела сколь-нибудь значительной опоры в массах, вербуя кадры в основном из офицерской среды.

Многие десятилетия ведутся споры о том, почему большевикам так легко удалось свалить Временное правительство. Выказано множество самых разных соображений. Мне вспоминается двадцатилетней давности разговор на эту тему с близким человеком, в 1917 году подпоручиком Измайловского полка. В ответ на мои рассуждения об исторической предопределенности Октября (нас учили в том духе, что вся мировая история от Шумера и египетских фараонов только для того и развивалась, чтобы подготовить Великую Октябрьскую социалистическую революцию и последующую победу пролетариата в мировом масштабе) мой собеседник снисходительно улыбнулся и сказал: «Большевики победили по двум причинам: во-первых, они единственные решились выдвинуть лозунги о мире и земле, отвечавшие тогдашним настроениям в народе, а во-вторых, никто в обществе накануне переворота не воспринимал их всерьез. Ну, посидят они у власти до созыва Учредительного собрания, развалят все окончательно, а потом сами же отдадут бразды правления законо избранному правительству». Помню, тогда я, начинающий историк, горячился, доказывая дяде Косте его неправоту, и даже упрекал его в непонимании исторических закономерностей (ох уж эти любимые нами закономерности!).

Как бы там ни было, Октябрь семнадцатого — далеко не случайность, как не случайны гибель самодержавия и поражение керенщины. Старый порядок в России себя полностью изжил, а поиски «третьего пути» пришлось не ко времени (война помешала). Керенщина, образно говоря, про-

извела выкидыш, и Россию поставили перед дилеммой, сформулированной П. Н. Милюковым: «Ленин или Корнилов?». Поскольку корниловщина переживала шок от понесенного в августе поражения, власть взяли те, кто оказался в тот момент сильнее, — большевики.

Иоффе показывает это событие в неприглядном для нас ракурсе — через восприятие октябрьского переворота противниками большевиков. Непосвященный читатель будет немало удивлен, узнав, что контрреволюция (корниловцы) по-своему желала, чтобы именно большевики «уронили» Временное правительство и захватили власть. Ну а что же дальше? Вот как себе это представлял симпатизировавший корниловцам современник, чье дневниковое свидетельство приводит автор: «Я лично смотрю очень мрачно. Впереди еще много несчастий. Катастрофическое повальное бегство солдат из окопов, все разрушающее и уничтожающее на своем пути и распространяющее еще большую анархию по всей стране. Голод всеобщий, но в особенности в Петрограде... Жестокая безработица... В результате банды голодных, безработных, озлобленных и не удовлетворенных пресловутой свободой товарищей. В виде апофеоза — повсеместные жидовские погромы, которые, конечно, несмотря на всю привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом. В этом апофеозе выльется вся безграничная злоба, которая во всех накопилась, без различия сословий и партий, и после бури наконец наступит успокоение страстей. Так мне представлялся ход событий. Отдельные части России будут самоопределяться, дондеже это им самим не омерзает и пока они не сольются снова в русском море, возглавляемом монархией».

Надежда контрреволюции была на самодискредитацию большевиков как партии, не способной управлять государством, после чего и настанет черед «генерала на белом коне» — Корнилова. Октябрь 1917 года оказался, можно сказать, уникальным моментом для осуществления большевистского переворота. Лучше всех в большевистском руководстве это понимали Ленин и Троцкий. «Если бы большевики не взяли власть в октябре — ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем», — признавался Л. Д. Троцкий. Страна жила ожиданием созыва Учредительного собрания, которое скорее всего лишило бы большевиков шансов на захват власти. В связи с этим нельзя не согласиться с Иоффе в том, что восстание в Петрограде в

ночь с 25 на 26 октября 1917 года явилось первым актом гражданской войны (о чем, собственно говоря, писал и Ленин).

Труднее принять авторское объяснение причин «триумфального шествия большевизма» в последние месяцы 1917 и в начале 1918 года лишь неорганизованностью и деморализацией контрреволюции. Во-первых, нельзя игнорировать очевидную популярность в широких народных массах первых декретов советской власти о мире и земле. Во-вторых, страна действительно видела в большевистско-левоэсеровском Совнаркоме лишь переходное правительство, готовое уступить власть по первому требованию «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Надо признать, что в этом вопросе тогдашнее общественное мнение проявило очевидную наивность. Большевики захватили власть «всерьез и надолго» вовсе не для того, чтобы добровольно уступить ее или даже разделить с кем бы то ни было. Блок с левыми эсерами носил вынужденно-временный характер, и не случись 6 июля 1918 года, М. Спиридонова и ее соратники все равно были бы обречены на разрыв с большевиками.

Г. З. Иоффе неоднократно высказывает соблазнительную мысль о желании и готовности большевиков создать многопартийную (социалистическую) правительственную коалицию, приводя соответствующие цитаты. Что сказать по этому поводу? Ленинское наследие настолько обширно и богато, что в нем можно найти цитаты на все случаи жизни. Более доказательной мне представляется сама логика политической борьбы, в принципе исключавшая сколь-нибудь устойчивые комбинации большевиков с меньшевиками и эсерами (даже с левым их крылом). До октября 1917 года готовность большевиков лишь приблизиться к власти объяснялась их слабостью. Тот факт, что в результате октябрьского переворота было сформировано коалиционное правительство, объясняется в первую очередь активным участием в свержении Временного правительства левых эсеров, анархистов и других тогдашних попутчиков большевиков, с чем Ленин и Троцкий вынуждены были хотя бы первое время считаться. Причина того, что в послеоктябрьской России не смогла утвердиться многопартийная система, была не столько в неготовности эсеров и меньшевиков сотрудничать с большевиками, сколько в принципиальном нежелании последних делить власть с временными попутчиками. Достаточно вспомнить, как большевики в

том же 1917 году снимали лозунг «Вся власть Советам!», стоило лишь эсерам и меньшевикам временно получить в Советах преобладающее влияние.

Совершенно логичен поэтому и разгон большевиками в январе 1918 года Учредительного собрания, где они оказались в меньшинстве. Можно спорить о том, насколько состав Собрания соответствовал политическим реалиям 1918 года, задачам революции и интересам России, но нельзя отрицать очевидное — 6 января 1918 года была пресечена перспектива мирного, конституционного завершения революции. Кто знает — не могло ли то самое правовое государство, которое мы лихорадочно пытаемся создать на восьмом десятке лет существования советской власти, образоваться еще в начале 1918 года?

Если Октябрьское вооруженное восстание было первым актом гражданской войны, то разгон Учредительного собрания стал ее вторым актом, в ходе которого контрреволюция вышла из оцепенения и приступила к перегруппировке сил. Вряд ли можно согласиться с утверждением Иоффе, будто и после 6 января 1918 года сохранялась возможность мирного развития советской власти. На какой, собственно, основе? Это было бы возможно лишь в том случае, если бы в России существовала только большевистская партия, обладавшая монопольным влиянием на массы. А разве случаен тот факт, что «триумфальное шествие» замедлилось, а затем и остановилось как раз после разгона Учредительного собрания, когда всем стало ясно — мирный исход революции отныне невозможен, большевики никому не отдадут власть по доброй воле?

Разгон Учредительного собрания, а затем подписание Брестского мира дали второе дыхание российской контрреволюции и ее ударной силе — корниловщине, получившей моральное право на развертывание вооруженной борьбы с «узурпаторами».

Г. З. Иоффе подробно освещает обстоятельства побега генерала Корнилова в ноябре 1917 года из Быхова на калединский Дон. Именно там, в Новочеркасске, возник первый серьезный очаг сопротивления советской власти, туда устремились все ее противники, от монархистов до эсеров. Они попытались создать контрреволюционный правительственный орган, в котором решающая роль принадлежала трем генералам. На Корнилова была возложена вся военная власть, на генерала Алексеева — гражданское управление, финансы и сношения с союзниками, а на генерала Каледи-

на — управление Областью войска Донского. При триумvirате функционировал «Гражданский совет» из числа известных общественных деятелей умеренного направления. Для спасения России от «германо-большевиков» спешно формировалась Добровольческая армия, державшая оборону на северных границах Области войска Донского. В одном из выступлений перед офицерами-добровольцами в начале января 1918 года Корнилов заявил: «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед богом и русским народом я беру на себя!»

Начальный период гражданской войны был неблагоприятным для контрреволюции. Слишком сильным было еще воздействие Октября на умонастроения широких народных масс, в том числе и на Дону. Уже в феврале 1918 года Корнилов во главе малочисленной пока Добровольческой армии вынужден был покинуть охваченный революцией Дон и начать отступление на Кубань. В истории белого движения и всей гражданской войны это тяжелое пятисотверстное отступление осталось под названием Ледяного похода, ему посвящена обширная белоэмигрантская литература. Описание Ледяного похода мы найдем у Алексея Толстого в «Хождении по мукам», не оставил он равнодушной и Марину Цветаеву (в этом походе участвовал ее муж Сергей Эфрон). Думаю, Иоффе мог бы уделить в своей книге несколько больше внимания Ледяному походу.

Завершился поход поражением белых под Екатеринодаром и гибелью самого Корнилова от шального снаряда 31 марта 1918 года. Собственно говоря, именно гибель Корнилова в критический момент сражения за Екатеринодар подорвала боевой дух добровольцев, предопределив неудачу штурма.

Автор не замалчивает деликатный вопрос о посмертной участи тайно похороненного генерала Корнилова: его безымянная могила была обнаружена и осквернена красноармейцами, а труп Корнилова в течение нескольких дней волочили на веревке по улицам Екатеринодара, видимо для устрашения, пока наконец не сожгли где-то в окрестностях города. Крайняя, нечеловеческая жестокость обеих сторон — это тоже ужасная правда гражданской войны, и она до сих пор дает о себе знать.

...Корнилов погиб, но знамя белого движения, выпавшее из его рук, было подхва-

чено единомышленниками — Деникиным, Колчаком, Юденичем, Врангелем. Следуя за автором, нельзя не признать, что противники большевиков, заключивших «похабный» мир с Германией, руководились по-своему понимаемым патриотизмом. Это же чувство способствовало значительному расширению социальной опоры белого движения. Что говорить о противниках советской власти, если во ВЦИК, Совнарком и самом большевистском руководстве Брестский мир расценивался как предательство революции, и лишь ультиматум В. И. Ленина заставил партию согласиться на этот шаг!

Март 1918 года — важнейшая веха в не написанной до сих пор (признаемся себе в этом) подлинной истории гражданской войны. Пора отказаться от примитивных представлений о гражданской войне как о всенародной борьбе рабочих и крестьян против помещиков, капиталистов и их наемников. Гражданская война — это не тема для легкомысленного воспевания, это величайшая российская трагедия, когда за узкопартийными, нередко эгоистическими интересами противоборствующих сторон

терялись подлинные национальные интересы.

До сих пор история российской революции и гражданской войны пишется исключительно с позиций победившей партии. Это понятно, даже естественно, но недостаточно для подлинно научного исследования, не терпящего искусственных ограничений поля зрения. Не сможем же мы до конца понять Великую французскую революцию, если будем рассматривать ее только через якобинскую, роялистскую или термидорианскую призмы. В каждом случае это будет лишь часть правды, но не вся правда. То же самое можно отнести и к нашей революции и последовавшей за ней гражданской войне. Изучение политических платформ российской контрреволюции, всех ее течений и направлений, знакомство с ее вождями и идеологами, выяснение социально-массовой опоры белого движения — неперемненные условия создания подлинно научной истории революции и гражданской войны. Новая книга Г. З. Иоффе продвигает нашу историографию в этом направлении.

Петр ЧЕРКАСОВ.

*

РАЗОРЕНИЕ. III *

И. А. Бунин. Окаянные дни. Подготовка текста, публикация и примечания А. К. Бабореко. «Литературное обозрение», 1989, № 4, 6, 7.

И. А. Бунин. Гегель, фрак, метель. Публикация и примечания В. П. Кочетова. «Литературное обозрение», 1989, № 7.

Иван Бунин. Окаянные дни. Фрагменты. «Даугава», 1989, № 3—5.

Иван Бунин. Окаянные дни. Фрагменты. «Слово» («В мире книг»), 1989, № 7, 8, 12.

Иван Бунин. Окаянные дни. Дневник писателя 1918—1919 годов. «Литературный Киргизстан», 1989, № 6, 7.

Иван Алексеевич Бунин считал дневник одной из «самых прекрасных литературных форм», которая в будущем может вытеснить все прочие; последнее — проблематично, но зато несомненно, что именно из этой формы родилась одна из самых знаменитых книг одного из лучших русских прозаиков нашего века.

Да, «Окаянные дни» напечатаны на родине писателя сразу в четырех периодических изданиях (впрочем, фанфары тут неуместны, об этом чуть позже). Какие «дни» писатель считал «окаянными», известно — это революция и гражданская война, и все больше его соотечественников готовы с ним согласиться. Бунинский дневник 1918 (Москва) и 1919 (Одесса) годов появился в 1935 году в десятом томе берлинского собрания сочинений Бунина. (В ГБЛ — на спецхранении; по крайней мере так было осенью 1989 года.) У нас в стране некоторые фрагменты «Окаянных дней» с многочисленны-

ми сокращениями были почти инкогнито запрятаны в «Дневники» Бунина в шестом томе его собрания сочинений (М. 1988). В том же шестом томе можно прочесть напечатанный с сокращениями по рукописи дневник писателя с августа 1917 по май 1918 года (подготовка текста А. К. Бабореко); это как бы введение в «Окаянные дни», их непосредственное начало со всеми основными мотивами книги: подавленность, униженность происходящим, ощущение национальной катастрофы, размышления о русском народе. Как любезно сообщил мне А. К. Бабореко, Бунин при подготовке «Окаянных дней» к печати этими своими записями не располагал; думаю, что они могли бы найти свое место в готовящемся, первом в нашей стране, отдельном издании «Окаянных дней».

Существование этой книги никогда не было тайной, и «официальному» советскому литературоведению приходилось как-то ее увязывать с признанием Бунина замечательным русским художником. «Окаянные дни», читаем мы в книге А. Нинова, дают «почти клиническую (!) картину разруши-

* Данная публикация продолжает разговор, начатый в № 3 и 6 «Нового мира» за 1989 год.